

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ОШЕИ
ДЕВО

Елена Крюкова

Небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35238329

ISBN 9785449309631

Аннотация

Русский Эрос. Русское юродство. Русская история. Русское сегодня. Русская апокалиптика. Все это – русский Космос Елены Крюковой. Его ипостаси то сплетаются, то разъединяются. Нервом и огнем сшит единый, цельный холст мироздания. У мироздания автора есть особая примета: оно венчает на царство самых бедных, нищих и забытых. И тут же дает понять, что только пламенная, высоко летящая жизнь – настоящая. Вся вертикаль бытия, уходящая в небо – от нежной музыки любви до грома войны – в этих стихах.

Содержание

НЕБО	6
МАТЬ ЮРОДИВАЯ	7
ФРЕСКА ПЕРВАЯ. МОЛИТВОСЛОВ	10
«Синее небо. ...ах, васильковый покой!..»	10
ПИРУШКА НИЩИХ В КАБАКЕ	10
МАТЬ ИОАННА РЕЙТЛИНГЕР	12
«О, так любила я цветную...»	14
ЮРОДИВАЯ И СКОМОРОХИ (хоровод)	15
НОЧНОЙ ДОЗОР	24
СТАРИК В ЗОЛОТОМ ШЛЕМЕ	29
ВОЗВРАЩЕНИЕ	31
МОЛИТВА О ГОРАХ	34
МОЛИТВА О ЛЕГКОЙ СМЕРТИ	37
МОЛИТВА О ПРОЩЕНИИ	41
СОВЕРШИВШЕМУ ЗЛО	
МОЛИТВА ПЕРЕД ЛЮБОВЬЮ	43
МОЛИТВА ЗА УПОКОЙ	47
МОЛИТВА О ПЛАВАЮЩИХ	48
И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ	
МИЛОСЕРДИЕ. ХЕНДРИКЪЕ	51
ГРОЗНАЯ МОЛИТВА О ЖИЗНИ	55
КРЕСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ	57
РИЦА СТЕРЕЖЕТ ТЕЛА СВОИХ	59

ДЕТЕЙ

Конец ознакомительного фрагмента.

60

Небо

Елена Крюкова

Дизайнер обложки Владимир Фуфачев

© Елена Крюкова, 2018

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0963-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕБО фрески

Русский Эрос. Русское юродство. Русская история. Русское сегодня. Русская апокалиптика.

Все это – русский Космос Елены Крюковой.

Его ипостаси то сплетаются, то разъединяются.

Нервом и огнем сшит единый, цельный холст мироздания.

У мироздания автора есть особая примета: оно венчает на царство самых бедных, нищих и забытых.

И тут же дает понять, что только пламенная, высоко летящая жизнь – настоящая.

Вся вертикаль бытия, уходящая в широкое небо – от нежной музыки любви до грома войны – в этих стихах.

МАТЬ ЮРОДИВАЯ

...Ледяной ветер, прорвавшийся из *иных* пространств, из *иных* времен, пронизывает тело, пронизывает душу... Так мало осталось тепла... На всем белом свете так мало осталось тепла... Только в немногих душах еще теплится возожженный Им огонек, порой прорастающий огненными языками сквозь ветхую оболочку тела. Только не дать ему угаснуть, только сберечь его на этом вселенском сквозняке, только выплеснуть его в мир, обезумевший от нескончаемой Зимней Войны... Только...

«Юродивую» Елены Крюковой анализировать, разлагать на составляющие, пытаться искать аналоги, хвалить за метафоричность, хулить за плотскость – глупее занятия не придумаешь. Нужно опасаться плоского взгляда – он заведомо не способен постичь авторскую поэтику, авторское мировидение, авторскую метафизику, в конце концов. Ибо перед нами не текст – писание, не поддающееся никаким жанровым определениям. Разве можно анализировать ветер, грозу, снег, ночь? Разве можно живую СТИХИЮ замкнуть в тесные странички убористого текста? Нет...

Перед нами – *живая* Вселенная, экстатический мир архетипов русской души, в «Юродивой» выплеснувшийся го-

рячей лавой не слов – сакральных речений, восходящих к древним молитвам, причетам, заговорам, а на вершинах своих – к Тому Слову, *«что стало плотью и обитало среди нас»* (Ин. 1,14).

Ткань, из которой соткана «Юродивая» – ее не назвать изящной, метафоричной, еще какой-либо, потому что любое определение принципиально неполноценно. Тем более неразумно выискивать в «Юродивой» кощунство или богохульство – перед нами не богословский трактат, не святоотеческое писание, не аскетические сотницы. Писатель – не обязательно агиограф, да авторский замысел и не претендует на агиографию; это, как мы уже упоминали, совершенно особый мир.

Можно завывать волком, засидевшись над ее страницами, можно затеплить лампаду и молиться, и класть поклоны, можно выбежать на улицу и ловить губами первые, такие невесомые снежинки – вестницы Мира Горнего, можно взять посошок, и, тихо затворив за собой дверь, отправиться в бесконечное странствие по русским проселкам, ночуя в стогах, заходя в монастыри и убогие избы, припадая губами к маленькому лесному родничку, слушать раскаты спелой июльской грозы в открытом поле... и позабыть все: все наши условности и приличия, государства и революции, банки и газеты... и лишь вышептывать губами Имя Имен, ради ко-

того и живем-то мы. Которым живем мы.

Можно только удивляться тому, что в нашу промозглую эпоху, эпоху имитации смыслов и безудержного произвола «захватничества» – проявления, выражаясь библейским языком, человеческого *звероподобия*, Мать Юродивая пришла к нам. А, может быть, это и вовсе не удивительно. *ИНОЕ* всегда приходит к нам тогда, когда, казалось бы, не остается никакой надежды на наше человеческое, слишком человеческое.

Иначе и быть не может... Ибо кто может познать волю ветра?

Юрий ПОПОВ

ФРЕСКА ПЕРВАЯ. МОЛИТВОСЛОВ

«О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее».

Ф. М. Достоевский, «Идиот»

«Синее небо. ...ах, васильковый покой!..»

*Синее небо. ...ах, васильковый покой!..
Ах, на облаках ангелочком застыну!..
...банная шайка, тяжелой Божьей рукой
Опрокинутая на потную дворницкую спину.*

ПИРУШКА НИЩИХ В КАБАКЕ

Мы Петровку, Столешников убирали ночью...
Я – девчонка нездешняя – меж чужими людьми.
Это все были дворники. Не лопаты – крыла
Взмах. Ночные работники. Я газеты им жгла.
Чтобы крошево мусора все с асфальта сгрести,
На коленях промучиться да на брюхе ползти.

Да ручонками жалкими крючить в кучи тряпья —
Все, что выхаркнешь, жадина, ты, Столица моя...
Я стояла коленями в шоколадной грязи.
Я была – поколением, что лишь: Боже, спаси.
В сальной кепке мальчишеской, сигаретой дымя,
Я молилась: Пречистая, не сведи же с ума.
Неподъемные ящики. Мыловаренье мышц.
Вот твои деньги, паценок, вот твой хлеб, вошь и мышь.
А когда полночь грохала обземь – рюмкой курант,
Метлы куцы охали: «Ну, айда в ресторант!..»
И валили мы кучею на Казанский, в буфет.
В блюда самые лучшие целил наш пистолет.
Дай блинов подгореленьких!.. Ледяное яйцо!..
Дай нам роскошь, Америку... сэндвич... что-то еще?!..
Дай холодную курицу. Вся в пупырьках нога.
Дай холодную улицу, где – буранная зга.
И несли мы в бумажечках снедь в заплеванный зал,
Спали где Карамазовы средь голодных зеркал.
Черным кругом вставали мы, не стащил чтоб никто
Яблок страшное зарево и штормовки манто.
И так ели и пили мы, над едой наклонясь, —
Как бросали бутылки мы в Вавилонскую грязь,
Как, нагнувшись над урною, наизнанку – ее...
Боже, жизнь Твоя бурная. Боже, имя Твое.
И в стаканы граненые разливал дворник Флюр
Водку темно-зеленую, как мадам Помпадур.
И огни те стеклянные мы вздымали, смеясь,
Молодые и пьяные, в прах поправшие грязь.

МАТЬ ИОАННА РЕЙТЛИНГЕР

Грачи вопят. Мне росписи кусок
Закончить. Закурить. Заплакать.
Я знаю: мир неслыханно жесток.
Сожжет, как в печке ветхий лапоть.

Чужбины звон. Он уши застит мне.
Я с красками имею дело,
А чудится: палитра вся в огне,
А гарью сердце пропотело.

Худые ребра – гусли всех ветров —
Обуглясь под юродской плащаницей,
Вдохнули век. Парижа дикий кров
Над теменем – бескрылой голубицей.

Ковчег плывет от мира до войны.
Потуже запахну монашью тряпку.
Мне, малеванке, кисточки нужны
Да беличьи хвосты и лапки.

Середь Парижа распишу я дом —
Водой разливной да землей мерзлотной.
Я суриком сожгу Гоморру и Содом,
В три дня воздвигну храм бесплотный.

Мой гордый храм, в котором кровь отца,
Крик матери, кострище синей выюги
Да ледоход застылого лица —
В избеленном известкой, бедном круге.

Пуškai сей храм взорвут, убьют стократ.
Истлеет костяная кладка.
Воскресну – и вернусь назад
В пальто на нищенской подкладке.

Монахиня, – а кем была в миру?..
Художница, – гордыню победиши!..
Худая баба – пот со лба сотру,
А дух где хочет, там и дышит.

Ему Россия вся – сей потный лоб!..
Вся Франция – каштан на сковородке!..
Разверзлись ложесна. Распахнут гроб.
На камне – стопка чистой водки,

Сребро селедки, ситного кусок,
Головка золотого луку.

Я знаю твердо: Божий мир жесток.
Я кисти мою – бьет меж пальцев ток.
Встаю лицом ко тверди, на Восток.
Крещу еду. Благословляю муку.

И, воздымая длани, обнажась

*И ты раздавишь всей ступней.
И боль. И кровь. И выкрик резкий
Чужой. И хруст последний мой.*

ЮРОДИВАЯ И СКОМОРОХИ (хоровод)

Кувыркайся бесом, прыгай,
Колесом ходи!
Нынче сброшены вериги.
Выпиты дожди.
Черноземные ковриги
Съедены, поди!

Люди, люди, мы не боги, —
Мокрые зверьки!
Посреди сугробов – крохи,
Люди, мы лишь скоморохи,
Дудки да гудки!

Вот он ты – гудок фабричный.
Вот он – заводской.
Вот – сиреною больничной!
Вот – истошный крик опричный!
Праздника отлом коричный...
Долгий – волчий – вой...

Кто варган тащит,

кто дудку;
Кто – побудку и погудку
Во трубу трубит;
Эх, война, дурная телка!
Вместо глаза – мертвой щелкой
Зыркнет инвалид...

Жизнь – веселье дикой пляски!
Жизнь – мазки кровавой краски
На седом снегу!
Люди, люди, скоморохи, —
Сброд, цари, святые, лохи, —
Больше не могу...

Скоморох, скоморох,
 скоморошенька!
Из котла поешь мою окрошеньку:
Скелетами – трубы,
Пистолетами – губы,
Уши заячьих снегов,
Улы красные гробов,
Флагом – Ангела крыло
В небо бьется тяжело,
Резкий визг стальных повозок,
Бородищи, от мороза
Сыплющие серебром
На ветер, где мы помрем...

И, дай Господи, не спиться —

Лица, лица, лица, лица,
Медию – по белизне,
Поплавком – на глубине,
И с глазенками слепыми,
И с зубами золотыми,
И со ртом, где гаснет ложь,
И с улыбкою как нож... —
Что ж

ты замер, скоморох?!
Черпаком лови горох!
Лук – тяни! Хватай – морковь!

...Холод. Жизнь. Еда. Любовь.
Музыка – из дудок всех.
Из луженых глоток – смех.
В кулебяке – рыба-сом.
Дай с тобою – для потехи —
Я пройдуся – колесом.

...

Пляшу, плясица!
Гармонь в руках гудит.
Седая псица —
Весь мир в меня глядит.

На по – хо – роны
Деньгу я соберу!
Нам нет закона

На площадном юру.

Гармошку вертит
Калека в кулаках.
Он был от смерти
Верней чем в трех шагах.

Под визг, плач, хохот
Я площадь пяткой бью.
Монетой – холод
Летит в щеку мою.

А я танцую!
И снега белый мох,
Как мех, к лицу мне!
И плачет скоморох —

Солдат поддатый,
Еловый инвалид:
Ништяк, ребята,
Там больно, где болит.

И пошла ПЛЯСКА СКОМОРОШЬЯ.

*Кувырк, враспых, пробей пяткой сотню дыр'к! —
Летит ракиша, кряхтит квакиша,
А на пятках у тебя выжжено по кресту,
А и прикинули тебя жареной лопаткой ко посту,
Швырк, дзыньк, брямк, сверк!.. – стой:*

*Лезвие – под пятой:
Из распаханной надвое ступни —
Брусника, малина, рябина, – огни:
Глотни!.. – и усни...*

обними – не обмани...

Пляши, скоморохи, – остатние дни!..

Ты, дядька-радушник, кровавый сафьян!.. —
Загашник, домушник, заржавелый наган:
В зубах – перо павлинье, сердчишко – на спине:
Вышито брусникой, шелковье в огне!
Бузи саламату в чугунном чану,
Да ложкой оботри с усов серебряну слюну:
Ущерю скалься, стерлядкой сигаЙ —
Из синей печи неба дернут зимний каравай!
Кусочек те отрежут! Оттяпают – на! —
Вот, скоморох, те хрюшка, с кольцом в носу жена,
Вот, скоморох, подушка – для посла гулянки – сна,
Вот, скоморох, мирушка, а вот те и война!
Гнись-ломись, утрудись, – разбрюхнешь, неровен
Час, среди мохнатых, с кистями, знамен!
Венецьянский бархат! Зелен иссиня!
Зимородки, инородки, красная мотня!
Красен нож в жире кож! Красен ледолом!
А стожар красен тож, обнятый огнем!
Лисенята, из корыта багрец-баланду – пей!
Рудую романею – из шей на снег – лей!
Хлещет, бляя, пузырясь, красное вино!
Блеск – хрясь! Рыба язь! Карасю – грешно!

А вольно – хайрузам! Царям-осетрам!
Глазам-бирюзам! Золотым кострам!
Мы ножи! Лезвия! Пляшем-режем-рвем
Шелк гробов! Родов бязь! Свадеб душный ком!
Ком камчатный, кружевной... а в нем – визга нить:
Замотали щенка, чтобы утопить...
Ах, ломака, гаер, шут, – ты, гудошник, дуЙ!
А сопельщика убьют – он-ить не холуй!
А волынщика пришьют к дубу, и каюк:
Гвозди рыбами вплывут в красные реки рук...
Ах, потешник, гусяр! Пусть казнят! – шалишь:
Из сороги – теши ты ввек не закоптишь!
Хрен свеклой закрась! Пляши – от винта!
Бьется знамя – красный язь – горькая хита!
Красная рыба над тобой бьется в дегте тьмы:
Что, попалися в мережу косяками – мы?!
Напрягай рамена, чересла и лбы —
Крепко сеть сплетена, не встанешь на дыбы!
Не гундеть те псалом! Кичигу не гнуть!
Пляшет тело – веслом, а воды – по грудь...
Пляшет галл! Пляшет гунн!
Пляшу я – без ног!
Что для немца – карачун, русскому – пирог!
А вы че, пирогами-ти обожрались?!..
А по лысине – слега: на свете зажились?!..
Заждались, рыжаки, лиса-вожака:
Нам без крови деньки – без орла деньга!

...пирогами, берегами, буераками, бараками,

хищными собаками,
Банями, глухومانьями, услонами-казаньями,
Погаными пытками, пьяными свитками,
Вашими богатыми вырубками,
 вашими заплатами-дырочками,
Кишмишами, мышами, поддельными мощами,
Учеными помощами, копчеными лещами,
Ледяными лесами, красными волосами,
Сукровью меж мехами, горячими цехами,
Чугунными цепями, цыплячьими когтями,
Вашими – и нашими – общими – смертями, —
Сыты – по горло!
Биты – по грудь!

А умрешь – упадешь – зубов не разомкнуть:
Крепко сцеплена подкова, сварена серебром —
Ни ударить молотом,
 ни разбить серпом,
Ни – в скоморошью – рожу – кирпичом:
Из-под век – кровь на снег,
 Ангел – за плечом.

...

– Эй, возьмитесь за руки, красные люди!.. —
Не взялись.

Горкой красного винограда на грязном зимнем блюде
Запеклись.

– Эй, что ж вы не пляшете, скоморохи?!..
Ноги отсохли, ну?!.. —

На морозе распахнуты шинели, ватники, дохи.
Всех обниму: оглянущу.

– Эй, что молчите...
на меня колко глядите...
как... елка в Новый Год?!..

И с гармонью инвалид
харкнул из глотки холодный болид:
– Дура. Война-то... идет.

...

...Она все бегала, трясла
За ветхие рукава
Народ; руки, как два весла,
Хватала – и вперед гребла!
А люди в спину ей: «У осла
Разумней голова».

Она так мнила: скоморох!..
С колокольцами,
в алом колпаке!..
А фиксу скалил пустобрех
С кастетом в кулаке.

И, когда она голые ноги ввысь
Взметнула из-под мешка,
Крутясь колесом, —
«Чур меня, брысь!..» —
Крикнули два старика.

«Сдается, тута света конец,
Коль девка сбежала с ума!..»
«Да ну, – процедил пацан, – отец,
Снимают синема!..»

А она все кричала:
«Скоморохи, эй!..
Одежды ваши красны!..
Давайте вверх поведем людей —
От зимы до полной Луны.

До толстой Луны, купчихи, что сосной
Топит медный свой самовар,
По лунной дороге, витой, ледяной,
Как из мертвого рта – пар!

По лунной дорожке,
 все вверх и вверх,
Наставляя о звезды синяки,
Катитесь, о люди, швыряя смех,
Как солнечной крови клубки!

Кидая оземь рюмки слез!
Хрустальную жизнь бия!
Пускай на земле трескучий мороз —
Со скomorохом в шубу из кос
Живых – завернулась я!..

И мы дойдем к старухе Луне!
И она нам чаю сольет,
И патлы омочит в белом вине,
И к зеркалу сунет лицо в огне,
И рот беззубый утрет...

И там мы забудем земную боль,
Забудем красные сны;
И в лунной пыли, что – мелкая соль,
Будем плясать, нищета да голь,
На Обратной Стороне Луны...»

**КОНЕЦ ПЛЯСКИ СКОМОРОШЬЕЙ,
ИСПОЛНЕННОЙ СИЛОЮ БОЖЬЕЙ.**

*ГОСПОДЕВИ ГОСУДАРЕВИ ГОРАЗДО ГРОЗНО
БАБЫ-ДЕВИ НЕ РЕВИ В РАСТРУБ СЛЕЗНО*

НОЧНОЙ ДОЗОР

Мой колокол уже пробил,

*И отскорбел, и отлюбил.
А я жива. А я люблю.
Я сердце надвое рублю —
С тобой его делю.
И ночью к нам – снегов дозор
И дикий звезд костер.*

Снег кровавый тягуче да густо валит —
Жгуч колодца небесного сруб.
Эй! Идите из тьмы, чья душа так болит —
Зимородком порхает у губ.
Все идите сюда! Зрак полночный остер.
Серебрится полынью река.
Лица медью горят. Это страшный дозор —
Это слежка за мной: на века.

Ты, старик в блестящем шлеме,
с подгнившим пером.
Узнаю тебя. Ты мне отец.
Жизнь моя и слеза – под твоим топором.
Твой колюч надо мною венец.
Сумасшедшие лики: в халатах больниц,
В жухлых стеганках, с кружками, где
Спирт горящий!.. —
с дрожаньем замерзлых ресниц
На зеленой декабрьской слюде...

Ну, седая земля, где не сыщешь концов,
Канешь в ночь-мерзлоту панихид, —

Выпускай из гнезда
всех подранков-птенцов,
Пусть взирают, как Время горит!
Ты, что ближе... да, парень, смелее шагни.
Как лицо твое искажено.
Под рубахой – ребро, под костями – огни,
А душа вся зальдела давно.

А рука твоя жмет к перекрестьям грудным
Тот холщовый, с деньгою, мешок...
Ты, щенок, судачонок, растаешь как дым,
Сам себеклеишь пулю в висок.
А Учитель воскреснет, во выюгу взойдет,
Кровь на ранах покажет Фоме,
А с Петром да с Андреем съест рыбу и мед
И босой уплывет по зиме...

Вот в дозоре идут колдуны и цари,
Вот в тюрбане – великий палач,
Что замучил всех нас.
Помолись да смотри.
Зрак полночный смолист и горяч.
Мужики, мужики, – сколь вас много в снегу,
В разъяренной юдоли земной!
Вкруг меня вы в дозоре, а счесть не смогу
Вас, монеты в горсти ледяной...

Боже правый, – за вами зверье по пятам:
Когти кошек да зубы собак —

Серп Луны – звездный нож! —
да ветра по крестам
Стылой церкви, где нынче – кабак...
Мужики, мужики, – кто из вас ныне слаб?!
Скулы в масле, а лбы в серебре.
Помолитесь, родные, за бабу из баб,
Что поет о вас песнь на костре.

Так лицо окунет в передсмертный костер,
И глотнет, и сожжет себе грудь,
Но поет миру песнь про Ночной ваш Дозор,
Про замученный, страдный ваш путь.
Щеки мокрые трите! И шапки – об лед!
В трубки пальцами бейте табак...
Жизнь течет, как из крынки на холоде – мед,
Засыхает, как рыба-чебак...

И когда вся дотла облетит чешуя,
Обнажится соленый скелет —
Воскричу: это вся драгоценность моя —
Четки снега, узорочье лет!

Лишь однажды в сем теле до смерти живем.
А наступит означенный срок —
По морозной стерне в белизну побредем,
Зимородок забьется у ног,
Запоет красных веток ракиновый хор
Во распадках, на волчьем юру —
И Всезрячее Око, Господень Дозор

Хворост рук подожжет на ветру!

Ты, дозор, стереги мою душу и плоть.

Ты шатром надо лбом восставай.

Сохрани ты любовь, что послал мне Господь,

Мужнин лик, что светлее, чем Рай.

И тогда вам, дозорщики, славу спою,

Вам Осанну в лицо прокричу! —

За избитую, гнутую радость мою,

Где босыми ступнями в сугробе стою,

За распятье, что впору плечу!

Вспомню всех: и царя в горностае до пят,

И обходчика в маслах машин, —

И тебя, мой последний, безногий солдат,

Дуб, что во поле плачет, один.

Да не стоит никто в целом свете из вас,

Богатырский, геройский отряд,

Тех единственных, жарко сверкающих глаз,

Что в ночи надо мною горят.

С ними я проживу, с ними я и умру.

И расколется небо, как лед,

Когда сердце мое, задрожав на ветру,

К тем созвездиям в полночь уйдет.

СТАРИК В ЗОЛОТОМ ШЛЕМЕ

Володе

Надень шлем золотой. Тебя в нем напишу.
Всю выдавлю рудую краску
На небосвод ночной холста. Гляжу. И не дышу —
Тебя читаю зимней сказкой.
Все детство гиблое. Товарняки дворов.
Крушенья первобытных весен.
Все елки нищие: над призраком даров —
Кресты колючих веток-весел.
Морозы дивные – страшнее батога,
Крапивы круче иглы снега! —
Дух материнского, святого пирога,
Печь, как горящая телега,
Плывет под брюхами тюленьих грозных туч,
В пергаментях ледовых свитков,
И лишь один закатный ржавый луч —
Твоей судьбы живая нитка...

Все это вижу я, как если бы со мной
То приключилось в мире дольном...
Так вот каков удел сей – быть женой:
Светло, пронзительно и больно.
Я в страсти живописной не сильна.
Но людям я тебя оставлю —

Я кисть, и холст, и краска, и война,
Слезы твоей скупая капля...
Гляди же, мир! Гляди – во весь свой рост
Перед тобой – мой муж сужденный.
Крут камень лба, и ветер – вперехлест
Очей, морозами сожженных,
И руки, что замесят на холстах
Всю сладость жизни, боль и силу...
Доколе я не превратилась в прах —
Тебя рисую: до могилы!
Тебя, родной: с палитрой, с топором,
С удилицем на зимней ловле,
В твоём крещении – в рубахе и с крестом,
И со свечой близ изголовья,
В иных объятиях, о коих – только Бог
Да лишь душа мужская знает:
Воск тайный рук... полынный ветер ног... —
Все на костре времен стораёт! —
В пургу, под колокольцем, на санях,
В вагонах, вымазанных беженским мазутом, —
Везде, всегда! – покуда твердь в огнях —
Запечатлею до минуты
Всю жизнь твою: и ту, что до меня,
И нашу, общую, слитую...
Морщины беглые, и седину огня,
Что, будто флаг, склоняясь, целую,
Колени преклоня!..
...и за бугром
Слепого Времени, что нас под корень скосит,

Рисую Старика во Шлеме Золотом,
В лодчонке, кою в лед и ночь уносит.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...и будет сон, как бы набат,
гремять и бить во лбу застылом:
Уехал – сколь веков назад?!
Так ждут восставших из могилы.

Комок песцовых простыней.
Нища, вся выбелена, келья.
Соль ожидания, ты страшней
вина минутного веселья.

Часы костяшками гремят
сухими. Масло лампы каплет
Прогоркло. Нет пути назад.
И это Время в бездну канет.

И это Время изжует
железной челюстью дикарской —
Мой жаркий лик, и мой народ,
и города в нарядах царских,

И жемчуг окон во смоле
дымов и смогов залетейских,

И фонарей – по всей земле —
в руках обходчицких, путейских,

И варежки дитячы, и
колец бесценные печатки...

И, вот! – не пощадит любви,
сметет навек и без оглядки!

Так жду чего в ночи, где жгут
мне лоб – росстанные узоры
Стекла: о, выставший салют —
мороза бакены и створы!.. —

Где мой ребенок сладко спит
сурком, счастливым тарбаганом,
А сердце во груди хрипит
вокзальным побирушкой пьяным, —

Зачем я жду тебя?! Зачем
молочные седины лью я
В черпак руки?! С молитвой ем
горбушку ночи ледяную,

Ржаную?! И на каждый стук
парадной двери – сотрясаюсь
Всем телом: будто снова – рук,
губами рук твоих касаюсь!

Замок падет, и ты войдешь.

В рубахе, босиком, навстречу
Рванусь – так в плоть нацелен нож,
 в слепое тело человечье!

И уж не чую, где глаза, где ноздри, губы, – осязаю,
И зрю, и व्यюсь, как бы лоза, вокруг! И покрещу слезами
Все – ягель-мох булыжных щек,
В брезенте тяжкую поклажу, —
Да, под Луной всяк одинок,
И смертушка берет под стражу
Живую душу, но от глаз
Сверканье брызжет! Соль и золото!
Я дожила! Я дождалась!
Доцарствовала – без возврата —
До возвращенья твоего!
О, блудного, – с такой чужбины,
Где все смешалось торжество
В котле: крестины и години,
Кагор причастья – и кутья,
Блины на Масленой – и водка
Сорокоуста... Только я,
Как перевернутая лодка
На व्यюжном волчьем берегу,
О, брюхом кверху – под звездами,
Ждала тебя! Так – на снегу —
Пред храмом – снег берут устами
Юродивые! Так – собак,
Собачник, выпустив из клетки,
Обматерит! И Марсом – так,

Снегирь, вцепившись когтем в ветку,
В ночи сверкает!

...Ты пришел.
Молчишь. Во рту замерзло слово.
И звездный тот, Небесный Вол
Все поле купола ночного,

Сопя, хрипя, перепахал, —
И комья льдистые – созвездья —
Могучим плугом разбросал,
Творя прощенье и возмездье,

Покуда мы, как два щенка, скуля и плача, подвывая... —
О, где язык, а где рука, скула, мокрей и слаще Рая... —

Где очи милые... уста соленые... – как две печали,
Там, у подножия Креста, с тобой друг друга целовали.

МОЛИТВА О ГОРАХ

Лишь закрою глаза – и отвесно
обрывается скал лазурит...
О, я верю, что Время – чудесно,
только страшно, что Время творит.

Горы, острые, словно рубила,

душу грубо стесали огнем.
Я молилась им. Я их любила —
ныне, присно, и ночью, и днем.

На гольцы я взбиралась!
Глядела
на зеленые шкуры Саян!
И тугого шаманского тела
бубен пел, ненасытен и пьян!

Я вратами зрачков забирала,
всю всосала жестокую синь
глаз охотничьих старца Байкала,
злую Хамардабанскую стынь!

Стрелы гиблые, меч мой каленый,
меч Гэсэра – слепая гора!
Да звезды, до меча Ориона
дотянулись, допели ветра...

Улетела я нищею птицей.
Причастилась сладчайшей беды.
Глотку выжгла мне – мнила напиться! —
боль железнодорожной воды.

Я устала – той нечеловечьей,
той усталостью, где топоры
острых звезд ищут шею и плечи,
и серебристой лучины горы

не видать – в этом каторжном гуле,
в сальных, кучно набитых возках,
в сумасшедшем сем граде, где пули —
в пистолетных стальных кулаках!

Здесь, где, пшенкой давясь, умирают —
в пересохших колодцах квартир
больнокомнатных! Где удирают
за кордон, будто чистят до дыр

снеговой наш ковер, грязно-русский,
обветшалый, в разводах пурги!..
Где, гора моя, меч ты мой узкий
в небесах смоляных, где – ни зги?!..

Узел зол и страстей не развяжет
мне никто на краю забвения,
лишь Сибирь-Богородица скажет:
«Утоли вся печали твоя...»

И молюсь, лик горе подымая,
лик в морщинах подъявши горе —
я, бастылка, я, пижма немая,
я, багульник в пурге, в серебре,

в шубе латаной, козьей и драной,
на равнине, где воеет метель:
дай мне, Господи, да без обмана

во горах ледяную постель,

чтоб уснула я сладко и строго
в междузвездной пуржистой пыли —
под присмотром Охотника-Бога,
близ объятья небес и земли,

чтоб забыла – при свете Вершины —
в ослепительной сини стальной —
как рыдал надо мною мужчина,
как ребенок угас предо мной,

как бросала в отчаянье мать
мне тряпье для скитальной сумы,
чтоб раскинулась звездная скатерть
от Елабуги до Колымы,

и спала б я в роскошном просторе,
позабывая миром моим,
и горела б, как шапка на воре,
золотая Гора Серафим.

МОЛИТВА О ЛЕГКОЙ СМЕРТИ

...Вороны – маком на крестах
 рассыпанным: на золотых!
Прищепки Солнца – на холстах

тех площадей, где грязи жмых,
Застиранных слепым дождем,
избеленных известкой выюг, —
Огромный чан, кипящий дом,
и запах варева вокруг
Людского! Зеркало-сугроб,
Царицы ты Небесной лик
Нам отрази! – меж кепок, роб,
чтоб на морозе счастья крик
Слепящим голубем – в сапфир,
в густой, полдневный синий мед!
...Тебя люблю, подлунный мир.
Тем паче – зная: всяк умрет.

Да, Господи, я, уперев в морозный щит – да две ноги —
Средь грозных, в куржаке, дерев, среди хурмы и кураги
На замороженных лотках,
среди псов – в сосульки сбилась шерсть! —
Стою, как будто бы в веках
не умереть мне, а процвести!
Процарствовать! – на сундуке вокзала – стоя сапогом
Сафьянной радуги, в руке зажав зимы слежалый ком,
Вобравший запах стуж и саж,
слезящийся лучом ручья, —
О Господи, из скольких чаш Благословенная – Твоя!

Ее придет пора испить. Ладонью губы утереть.
Ее придет пора разбить – на Солнце прямо посмотреть.
Под выхлестом широким встать —

что синий лебедь! синий флаг! —
Ветров январских: умирать —
неведомо, незнамо как.

И здесь, в виду повозок-крыш,
сараяв (Царских тех возков
С гербами голубей!..) — услышь
молитву уст, провал зрачков:
Я не боюсь о жизни петь,
и даже — в глотке — со свинцом
Расплавленным... — но даруй смерть
мне легкую — седым венцом!

Да, мир для певчей птицы — клять.
Безмерна площадь, холодна.
О, даруй легкую мне смерть
стаканом зимнего вина.
Стаканом синего вина в январском горьком хрустале —
И я спою Тебе — одна —
на всей Земле, по всей Земле!

Облепят ли морщины пчел — гудящих и казнящих лет;
Иль будет снеговой престол парчою младости согрет;
Белеса ли, сорвется прядь
в ночь — тяжек лисий малахай!.. —
Вот здесь желала бы стоять, вдыхая снежный каравай,
Метельной соли на зубах да звезд соленых слыша скрип,
Подругой тех, кто во гробах
восстанет, слыша Судный хрип

Трубы, пронзившей круговерть,
горючий северный сполох, —
О, даруй легкую мне смерть, как детский выдох или вдох!

И закует меня мороз во каторжные кандалы,
Да иней – козий пух берез – сверкнет топазами из мглы
Преднощной, и польют из глаз
татарских стрел потоки... слез!.. —
На зимнего заката Спас,
на подвенечья мерзлых роз,
На бельма окон, кости крыш,
на Кремль – морковные зубцы,
Да на ворон, которым: кыш!.. —
летят, галдят во все концы... —
На девок – греют в рукаве
патрон помады: мазать лик! —
На купол в мощной синеве,
как чудотворный белый бык,
На тех, с оружием, парней —
приклады больно спину бьют,
На площадь – до скончанья дней
дневной базар!.. ночной салют...

И, холодея, я щепоть ко лбу закину, будто: «Пить!..» —
Шепчу: спасибо, мой Господь,
за праздник:
жить, любить, застыть.

МОЛИТВА О ПРОЩЕНИИ СОВЕРШИВШЕМУ ЗЛУ

Как плиты церковные грязны... Господь,

Владыка, – утешь...

Стоять на коленях – смиряется плоть, латается брешь.
Пылающий храм – перевернутый чан, чьи медны бока —
Как волоком тянет меня по свечам, рекой сквозняка.
Гармошкой хора небесный сапог (ночь-вакса-без-
глаз!..)

С лодыжки сташил утрудившийся Бог, над куполом
тряс...

Ко тверди дегтярной прибиты с боков гвоздями из льда
Березы, мохнатей оленьих рогов, дымов борода:
Козлиная, бесья, монашья, – крути, злой ветер,
в кольцо!..

Да, Волгу по льду мне уж не перейти, закутав лицо...

Я, грешница, все порешив отмолить, явилась сюда.

Снег визгнет под валенком – заячья прыть.

Дробится слюда

Церковных окошек – слепых леденцов,
сладких, цветных...

И я во сиротстве, без дедов-отцов, у врат ледяных.

Войду. Соль мороза стряхну с голенищ. Уборщик

с метлой,

С ведром жестяным, – что, пронзая, глядишь
седою совой?!..

По белым ступеням, что тверже костей,
чей мрамор щербат,

Взойду – в нищий мир умиленных людей, что кучно
стоят.

Кто шепчет наивно, кто знает канон и толк в образах,
А кто бедной мышкой молчит, опален огнями, в слезах...
Облезлое злато да рваный кармин военных икон —
И Спас так глазами кричит, будто сын из синих пелен...

Я слышала пули. Я видела смерть. Бросала на гроб
Земельные комья – морозную медь – на черный сугроб.
Я рот зажимала от вопля гудка, боясь впереиз
Железу – сама завопить – на века, до бездны небес.
Чреватое время откесарить нам слабо. Скальпель ржав.
Старухи ползут на коленях во храм по насту держав.
И в душном сияньи сундучных мехов, среди розанов
свеч,
Среди баб мокроглазых в дерюге мешков: богатая печь
Беднейшей, бесстыднейшей, голой земли
пожрала их снедь,
Они ж – на коленях – плывут, корабли —
так страшно глядеть... —
И я поднесу троеперстье к лицу. И я покрещусь.
И я на колени, невестой к венцу, во тьме опускаюсь.
И хладным, тяжелым, чугунным ли ртом, —

о, мой ли?!.. чужой?!.. —
Впечатая лик свой в углу пресвятом иконы большой.
От радужных слез – кто там вмазан в левкас,
уж не различу,
Но вбок не запрячу я бешеных глаз, но вскину свечу —
Над серыми маками козых платков – горящим перстом:
Средь горечи, гнева – молюсь за любовь
скулящим щенком,
Средь ярости, яда – пожарищем рта хриплю тяжело:
Прости, о Господь, и тому, без креста, свершившему зло,
Умывшему руки пахучей водой из чаши литой
Над миром, где чад и беда за бедой и кровь под пятой,
Над миром, где вспыхнут дитячьи глаза
на хлеб: укради!.. —
Незрячая, выстывших рек бирюза на чахлою груди
Восхолмий и падей, где плачет мужик в сугробе, нагой,
С чернильной наколкой лысый старик,
под звездной слемой.

МОЛИТВА ПЕРЕД ЛЮБОВЬЮ

Холод! Холод! Кружевные розги
сереброигольчатых деревьев!
Сколько жизней прожили мы розно?
Содрогнемся, в мраке замерев
Спальни. Рыб подледного улова —
тел горячих – не видать во тьме.

Господи, я дудкой Крысолова
приложусь к устам Твоим в тюрьме.

Бездну я, рыдаючи, ласкала —
бездна и восхитила меня.
Рваное, щенячье одеяло,
Судного дождавшееся Дня!
Выжаренной, черной сковородкой
раскаляюсь на Твоем огне.
И плывешь в ночи долбленной лодкой
по ледовой, волногрудой мне.

Индевелой царской паутиной
виснут ветки, ловят мошкару
Звезд слепящих. В мира крестовину
землю-ель воткнули на ветру.
Да, такая ночь, что надо плакать
яхонтами, лалом – в три ручья,
Пред Пречистой грудь свою царапать,
чтоб узрела, сколь же грешна я!

Да, Царица во звездах безбрежных,
с волосами долгими, как песнь, —
Многонежна я и многоспешна,
многосерда, многогрешна есмь!
Каждого, о, каждого любила,
кто в сугробе спал и корку ел.
Каждого, о, каждого простила —
кто хлестать, пытаться меня умел.

Каждому следы его крестила —
прочь! в метелях! в зорях зелень-медь!..
И несла неведомая сила
от меня возлюбленных – во смерть...

И, давясь слезами, сдернув Книгу
с полки, где давно про бедных нас
Начертали... все посяв вериги,
что неймет рука, не видит глаз,
Обнажившись – голая у ложа,
лебедица? ведьма? горностаи?.. —
Где там!.. – с черной нищенкою схожа,
с попрошайкой, коей бублик – Рай,
Коей праздник – ярая медяшка,
коль ступни морозом сведены, —
Так стою! И сброшена рубашка
бастылом засохшей белены.

И над дегтем мира, что просвечен
черным перстнем в мельхиоре рам,
Вызовом – Тебе – бросаю плечи:
теплым белым хлебом – по утрам!
И живот – застылей сладких сливок
на морозе, русака белей
Во полях!.. Зверь Времени!.. Загривок
не топорщ. Добычу не жалей.

Ты бери меня, о муж мой, в руки.
Ты меня, о князь мой, пей и ешь.

Вот распил небес: кольцо разлуки,
вот мишень зерна: звездою – брешь.
Если что – зайчиху Ты косую
уж прости. Грех – без году и дня.
На груди я кольца нарисую,
чтобы смог Ты выстрелить в меня.
Чтобы точно Ты, охотник, метил,
чтоб не торопяся взвел курок...
Торопись! Полночный купол светел
от ледовых росписей-дорог!

От гвоздищ, от пламени мороза,
от Голгофских наледень-крестов...
Все – из чарки лика – выпей слезы.
Всё целуй дрожание перстов.

Не убойся пасти той постели,
страшно распахнувшейся Тебе.
Кто горел здесь – все дотла сгорели:
выжгли Знак Беды в моей судьбе.

И, в рубцах, порезах, швах и шрамах,
клеймах казней – с головы до пят,
Лишь перед Любовью крикну: «Мама!..» —
шепотом, как – вниз лицом – солдат
Окровенный – и осиянный:
он, швырявший кости у Креста...

Господи, о, дай мне, окаянной,

эти лишь – последние – уста.

МОЛИТВА ЗА УПОКОЙ

Гром. Звон. Кандальных звезд тяжесть.
Кто рожден – недолго осталось:
Голь-гульба, гроздя льдов алмазных —
Все гроба. Черный креп бесстрастный,
Ал атлас – как ножом по жиле
Полоснули. Вроде б и не жили.
На земле. Гул звезд волчиный.
Крепче, вы, – женщины, мужчины,
Обнимитесь. Миг! Сколь осталось?!..
Глянь, ворона-смоль закачалась
На ветвях! Крючья-когти в иней
Как вцепились! В шелк густо-синий!
Выстрел. Пуля – в птицу. Звезд россыпь.
Пожила, крылатая. Роскошь —
Жизнь. А смерть оденет парчами.
Обвернет кумыс-кумачами.
В пух гагачий, прах керженецкий...

Упокой ее по-простецки,
Душеньку. Дотла настрадалась.
Водкой глотку жгли жуть и жалость.
За усопших честно просила.
Душу покорежила сила.

Мышцы рвались. Жилы – уздами.
Сколь осталось?!..

Черное пламя —
Ликом – на снегу – плащаницы.
Господи, избави родиться,
Занырнуть во клятое Время,
Где во звездах меч – надо всеми.
Господи, заштопаны дыры,
Господи, исколоты длани!..

Упокой рабу Твою с миром.
Несть печали ей, воздыханий.
Есть ей ширь и горькая песня,
Над одром камчатным – ворона,
Пуля в сердце – нету чудесней
Лёта – камнем вниз – с небосклона.

МОЛИТВА О ПЛАВАЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

О серая река, соболя шкура,
Заиндевелый грязный горностай...
В дырявом рубище, под снегом, дура,
Благословляю мой железный Рай.

Сижу я на горе. А снег столь кротко
Целует щеки мне, дрань пальтеца...
И я рукою – высохшей селедкой —
Касаюсь мощи Зимнего Лица.

О Зимнее Лицо! – кирпичный сланец,
И слезы рек по скулам ледяным,
Олений стланик, кварцевый румянец,
Огни песков, неопалимый дым —

А я гляжу с бугра – слезятся очи
От нефтяных, что лисий хвост, костров:
Закат застыл, недолго до полночи,
Небес могильный ров

Распахнут, вырытый жестоким Богом, —
Но смерти не боюсь,
А здесь, на холоду, в миру седом, убогом,
Я – за живых молюсь!

За тех, кто жемчуга на леску нижет,
Стегает мех для стуж.
За тех, кто во пурге друг другом дышит —
За вас, жена и муж.

За крох замурзанных, за пацанву ржаную
В мазуте и соплях!.. —
Но ярче, свыше всех – за вахту ледяную
На одиноких зимних кораблях.

Да, так! – за странников, чьи злые лица
Улыбкой ураган сечет;
За вас, взрезающих засохлый хлеб столицы,
Вокзальный пьющих мед;
За прынувших в погибельны пространства,
Где жгучий стук колес да лай собак —
Кровавый крест невидимого братства,
Всевидящего ока красный зрак!

За вас, кто волю разрезает грудью,
В тюрьму любви отчаянно летя! —
Злаченным шпилем мерзнет на безлюдь,
И подаянья просит, как дитя, —

За всех, за всех, кто плачет! – но, глотая
Соль, скуровицу, выюг змеиный яд,
Идет вперед, посмертный шаг верстая,
Но не пойдет назад, —

Молюсь!

...плывите, веруйте, любите.
Идите напролом.
Ветшает жизнь. Горят и рвутся нити.
Горит обжитый дом.

А я сижу над серою рекою,
Над волчьей, выюжно воющей землей,

Благословляя тонкою рукою
Всех, кто плывет в земной ладье со мною
И в лунной, поднебесной, – надо мной.

МИЛОСЕРДИЕ. ХЕНДРИКЪЕ

Ах, комната, в сутеми пыльной – одна
Жемчужина в винном стакане...
Ты мать без крестин, без венца ты жена, —
Иди, потрудиcя руками.
Сапог-коловрат с ноги грубой стащи,
А коль повезет, и рубаху,
А коли в лицо – каблуком, – не взыщи:
Синяк не страшнее, чем плаха!
Под мышки схвати да в постель ували, —
О, краской да маслами тянет
Льняными... олифой... в горсти у земли
Мужик твой качаться устанет!..
Он так уже зол на всю галиматью —
На сборищ всесветных болтанья,
И в морду б всадил от души... на скамью
Отправился б – на покаянье!

Художник ли, каторжник – все тут одно,
В стране этой. Все тут едино.
А в банке, на кухне, – из яблок вино,
Что припасено на годину...

И вот, пока царь твой, насытись, храпит
В безумьи, в измоте палачьем,
Твой лик над посудой медной стоит
Луною в затоне рыбачьем...
И варево варишь, бросая зерно
В казан: ох, а пот – несоленый
Слизнула с губы задрожавшей... а вот —
Он сладкий – в чаду запаленном!
Часы проблекочут, в литавры мороз
Ударит, звеня рукавицей, —
Да, чищенный мир снова грязью зарос!
Глаза твои – порх! – две синицы —
По мраку резных деревянных шкафов
(Молчат, как органы в костелах,
От мессы до мессы!..), по рвани ковров,
Где лебеди, милые селам...

И в спальню проворною мышкою – шась!
Смотри ж, как взлелеяло пламя,
Мятежного мира полярная пасть —
Ребенка, что плакал меж вами.
Поправь одеяло сопящему всласть.
Подуй на золотой лоб ребячий.
Не скоро ничком в наст блескучий упасть
От голода, жизни собачьей.
Согнув кочергой позвоночник тугой,
Лбом-яблоком льня к половице,
Трудом упивалась, какого деньгой
Не купишь! Лишь – лептой вдовицы...

«Ах, ты, мой мужик, мой художник большой,
Где холст твой, великий и страшный?!
Ни света в зрачках, ни гроша за душой —
Пустой, как осенняя пашня...
Эх, мой дурачок! Ты меня напиши —
Щеку, что перловицей светит,
Глаза, что сияют сильнее души,
Да красные руки, что ветер
Все исцеловал!.. шею, что исхлестал
Буран, – мех-то вытертый, лысый...
Да, мы богачи! Царь ты Сарданапал,
Царица я Савская в лисах!
Не старую мать, не отца, не детей,
Не ветер – пошто в щели дуешь?!.. —
Я благословляю щетину кистей,
Которыми небо целуешь!»

И так до утра ты песком чаны трешь,
Цепляешь слепой пятернею,
А мир полунощный на лик твой похож,
Крещеный золой и землею!

Корявые впадины... Ямины тьмы...
Прорехи и прорези горя...
Лишь очи – на дне одичалой сумы —
Два мощных сапфира, два моря.

И так прожигашь глазами – и твердь,

И стразы мороза на стеклах,
Что, хвост поджимая, дворнягою – смерть
За мышьим сараем издохла.

И – шаг ты шагаешь к окну: о, к бельму
Январскому, к зимней сурепке,
И – глаз тех огонь не видать никому,
А если зажмуриться крепко...

И сплавлены веки! И вдоль по щекам —
Рекою – разливом – ручьями:
«Родных я вовек никому не отдам —
Молох ли, Архангел – перстами
Коснется во сне пламенеющих лиц,
Сожмет в кулаках покрывало...
Завеса разодрана! Падаю ниц!
Но тут я Женой пребывала
И Матерью сирой – меж смрадных котлов,
В ходынке, где в давке трещали
Нежнейшие кости, где низку-любовь
По бусинам – псы растаскали!

Как зубчик чесночный пророс во гнилье
Густых керосинных угаров —
Так я улыбаюсь в ночи, Хендрикье,
Не пряча лицо от удара!

Бей, тяжкое Время! Чугун рукавиц
Твоих – я сама вышивала

Соцветием потных, пожарищных лиц,
Узором базара, вокзала,
Серебряной нитью кладбищенских рек,
Павлинье-горящею сканью —
Весь выткала – гладью – позорный мой век,
Горбяся над зимнею тканью!

Вот все милосердь: намыты полы,
И масло в бутылки златится...
А кто там глядит адамантом из мглы,
Пусть первый со мною простится».

ГРОЗНАЯ МОЛИТВА О ЖИЗНИ

*Я завернусь в багряный плащ,
Сжав рот, на снег полночный выйду.
Народ, безбожник! Сетуй, плачь.
Я вымолчу твою обиду.*

*Я вымолю слепой кусок
Тебе – у всех небес бездонных.
Там, в черноте, пылает Бог,
И сноп лучей – от риз лимонных.*

*И зраков огонь, белков багрец —
Вниз, на пожарища земные...
Отец! Ведь это не конец!*

Ведь это – счет на ледяные

Века! Одним – не обойтись.

Сундук раскрыт. Страданья светят

Алмазами. Бери – на жизнь.

С лихвой – на смерть. Кидай – на ветер.

Нас вымочили – пук розог —

В воде соленой, в едком чане.

Железный небосвод высок.

Его держу: спиной, плечами.

Для Всех-Небес-Любви – стара!

Стара для боли и печали.

Свист пуль – с полночи до утра,

А мы не ели и не спали.

А мы держали – так вцепясь!..

Так знамени держали – древно!..

...Знамена втаптывают в грязь.

Подойвой – в бархат, будто девку,

Пинают, будто суку – в бок —

Щенную – по снегу – сосцами...

Молюсь Тебе, великий Бог,

О том, о том, что будет с нами.

КРЕСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ

То ль рытый бархат... то ль овчина... то ль...
Дух масла, лука, горечи я чую...
Изба моя, древняна клецки боль,
Зима и полночь: я в тебе ночую.
Пустыней реки слез я осушу
Ладонной. Белый ватник греет крышу,
Искрится резко... Счастья не прошу.
Давно ушло. Истаяло превыше.

Миров на холоду так важен ход.
Планет сапфиры, с черных рук валитесь
В горящий снег! Смотрите в черный рот
Небес. Смотрите, плачьте и молитесь.
И я, поверх посуды медной сей
И ложки деревянной и щербатой,
Стряхнувши ложь дареных всех перстней,
Браслетов всех змеиных и проклятых,

Содравши с плеч погибельных меха —
Свидетельства звериного страдания,
И все, что тлен, и гарь, и дым греха
Прожгли, курясь за непорочной тканью!.. —
Прочь зашвырнув шмотье, во что горазд
Живущий на седой Земле рядиться,
В избенке, под прищуром зимних глаз,

Запястие – ко лбу тяжелой птицей

Я выпущу. И содрогнусь. Уста
Вдохнут мороз – без края и предела.
В знаменье я сложила три перста,
Но два сестра моя в толпе воздела,
В телеге, так визжащей на снегу,
Что кровь под пылким полозом струилась!

Пусть жизнь моя изникнет на бегу
Тех розвальней!.. о, только б ты молилась,
Боярыня Федосья в кандалах,
Мой черный вороненок, мой подранок,
За жаркий дух, за мой незримый прах,
Летающий вслед твоих летящих санок,
За то, что ты, родная, – это я!
В соломе! на санях! в дыму! навечно
Крещу весь мир: толпа – моя семья!
Я – плоть от плоти злой, бесчеловечной,
Беснующейся, бешеной Руси,
Синё глядящей! Пряник так грызущей!..
Так плачущей!.. что, Господи спаси,
Одной слезой спасется всяк живущий!

И я, вцепившись в розвальни клешней
Худой руки, вlepившись воском кожи,
Двуперстье возжигаю над землей,
Что завтра мне костер казнящий сложит.

А ты, сереброликая толпа,
Вся в радугах понёв, скуфьях багровых,
Я на тебя крещусь, от слез слепа,
Под звездной Рыбой, медленной, суровой,
Под звездною Белугой, над избой
Хвостом свирепым хлещущей сугробы,
Плывущую над люлькою, над гробом,
Над выставшею, сгнувшею судьбой.

РИЦА СТЕРЕЖЕТ ТЕЛА СВОИХ ДЕТЕЙ

Господи! Стыки рельсов гремят,
дома на курьих лапах дрожат,
Адскими розами льнет к бельму
жемчужного Солнца – дым...
Голубь мой, Город Земли, – стократ
сойду, покрестясь, во Ад,
В твой подземный вертеп,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.